

**С.А. Лишаев,
Самарский университет**

СУДЬБА ЧЕЛОВЕКА: ВОПРОС ОБ ИСТИНЕ И ЗАКАТ ФАУСТОВСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

В работе рассматривается связь между разными подходами к пониманию истины и кризисом гуманизма как принципа фаустовской культуры. Анализируются причины стремления людей данной культуры к конструированию искусственного подобия человека.

Ключевые слова: фаустовская культура, человек, гуманизм, трансгуманизм, истина, субъект.

**S.A. Lishaev,
Samara University**

THE FATE OF MAN: THE QUESTION OF TRUTH AND THE DECLINE OF THE FAUSTIAN CIVILIZATION

The paper examines the connection between different approaches to understanding the truth and the crisis of humanism as a principle of Faustian culture. The reasons for the desire of people of this culture to construct an artificial likeness of a person are analyzed.

Keywords: Faustian culture, man, humanism, transhumanism, truth, subject.

Современное общество – и прежде всего его наиболее продвинутая в технологическом отношении часть – находится в переходном состоянии. Под вопрос поставлены биологические, социальные и духовные основы человеческого бытия. До недавнего времени они видоизменялись, трансформировались, но в качестве антропологических универсалий оставались неизменными. Половой диморфизм, семья, общительность, эмоциональность, сознание, мышление, труд, способность к целеполаганию etc. объединяли людей разных эпох и культур. Сегодня этим константам угрожает деструкция.

Еще недавно западная культура отстаивала принципы гуманизма, но сегодня в ней «продвигаются» идеи, гуманизм отвергающие (трансгуманизм). Такой поворот не является ни случайным, ни неожиданным. Это логичный результат развития культуры, названной О. Шпенглером фаустовской [1]. Стремление фаустовского человека за горизонт, его воля к универсализации собственных представлений об истинном и ложном обусловили ее экспансию

вовне и распечатку фаустианского гена в культурах, не имеющих отношения к романо-германскому миру. В одних регионах исторический псевдоморфоз привел к осязательным изменениям в этих культурах, а где-то, встретив упорное сопротивление, глубоко в культурный код не проник, произведя внешние, поверхностные преобразования (европейские «фасады»). Внедрение фаустианского гена в инокультурные общества проходило с разной скоростью. Тем не менее за несколько веков идеи гуманизма под флагом модернизации распространились по всему миру. Вот почему ответ на вопрос о причинах деструкции базовых форм человеческой жизни в процессе дегуманизации фаустовской цивилизации важен не только для запада и его близких соседей, но и для мира в целом.

В сформированном современными медиа общественном сознании антропологический кризис привычно связывают с логикой научно-технического прогресса, с развитием искусственного интеллекта, с роботизацией человеческих способностей (от протезирования органов и телесных функций до машинной симуляции когнитивных способностей), с колонизацией тела биомедицинскими технологиями, с успехами в программировании сознания людей и т. д. Однако это лишь поздние следствия выбора, сделанного пять-шесть столетий назад. Это был выбор на глубине, вопроса о технике он напрямую не касался. Феномен автоматизации техники (эпоха машин) стал одним из важных следствий решения вопроса об истине. М. Хайдеггер прав: «...сущность техники... не есть что-то техническое» [2, с. 221]. И если машинная техника приобрела власть над человеком, то дело не в ней, а в базовых установках того, кто ее создал и ей пользуется.

Страх перед техникой, освободившейся/освобождающейся от контроля со стороны человека и угрожающей его существованию (восстание машин, роботов, киборгов), – это реакция на переворот в понимании истины. И в античном, и в христианском сознании Истина – это данность, открытость, это откровенная Истина (древние мыслили ее как непотаенное, как алетейю [2, с. 350-354], то есть мыслили ее или космологически (пантеизм и панентеизм античных мыслителей) или теистически (Христос и есть воплощенная, вочеловечившаяся Истина). В Новое, фаустовское время происходит разворот от онтологического понимания истины к гуманистическому: истина от Бога замещается истиной от человека, от того, кто ее устанавливает и удостоверяет (познавательная истина). Отправляясь от данной интуиции, человек не восходит к Истине, очищая свою душу, чтобы вместить Ее в полноте, а исследует ее как истину сущего (устанавливая истины с маленькой буквы) и решает посредством разработанных им процедур, что истинно, а что ложно, иллюзорно [2, с.

41-52]. Истина в Новое время подчиняется субъекту как «мыслящей вещи» [3, с. 20-28], человек и есть мерило для того, что истинно или ложно.

Единение с истиной в античные времена (в форме мудрости) и в христианском мире (в форме святости) неотделимо от формирования человека по образу и подобию Истины (от образования). В античности человек формировался в ориентации на божественный космос, в христианском средневековье – на образ Иисуса Христа («...Аз есмь Путь и Истина и Жизнь» (Ин.14:6)). Позиция человека фаустовского типа иная. Он исходит из человека как автономного субъекта, утверждающего себя через познавательную разработку сущего, его знание и практическую деятельность на основе этого знания. Это истина в форме знания, которым люди владеют и распоряжаются (сущее как объект исследовательской разработки и знание как ее продукт), используя его для практического овладения природой и общественной средой («знание – сила»). Власть над природой – результат проецирования предметных знаний на область технических решений. Подчиняя себе природу, фаустовский человек утверждает свою субъектность. Эта логика предполагает замену «дарового на трудовое» (Н. Федоров), природного на искусственное. В практическом измерении истина «от человека» предстает в образе власти над природой, в конечном же счете – над природой человека. Логическим завершением технического овладения природой оказывается создание его двойника, робота-раба (киборга, клона) [4, с. 248-278]. Отказ от онтологически понятой Истины в пользу гносеологической и технически действенной истины ведет культуру этого типа к переходу от жизни в природе к существованию техносреде.

Подчинение природы – это и способ удовлетворения естественных потребностей человека, и форма его самоутверждения как субъекта. Истина для фаустовского человека – не то, к чему восходят. Она то, что является продуктом познавательной деятельности: это объективное знание, которое может быть использовано для решения практических (технических) вопросов. Техника – это проекция знания и воли в окружающий мир, это сила. Поставив себя в центр мира, встав на место Бога, фаустовский человек с необходимостью пришел к мечте о создании своего подобия (голема, гомункула, робота-андроида).

Античный человек мыслил себя микрокосмом, христианин – образом и подобием Бога, он был настроен на подражание тому, что есть (Истине). Человек фаустовской формации не подражает Истине, а конструирует ее и формирует искусственную среду, проецируя вовне себя как субъекта, как то, что лежит в основе. Конечная цель в гонке за замещением данного (природного) искусственным – создание гомункула, двойника природного (рожденного) человека. В этом он видит победу над природой, финальный жест самоутвержде-

ния в преодолении собственной рожденности (в христианской вере – сотворенности). Он желает создать «человека» (себя) посредством своего искусства. С мечтой о создании гомункула связана мечта о достижении «практического бессмертия» без вмешательства свыше. Тот, кто способен создать человека, надеется на то, что найдет способ жить на земле вечно.

Однако чем дальше продвигается фаустовский человек по пути знания, силы и власти, тем больше им овладевает страх перед машиной, перед двойником, который все более определенно освобождается от власти творца и диктует «правила игры», подменяя то, что дано, на то, что сделано (любая машина – это та или иная частная функция человека; сегодня человек окружен множеством машинных двойников-функций; но тот, кто что-то за нас делает, приобретает над нами власть). Появляется страх перед лишенным души, не способным к сопереживанию, но наделенным искусственным интеллектом двойником. Творение демонстрирует превосходство над своим творцом в целом ряде отношений и все чаще воспринимается как угроза. И хотя до полной победы машины над человеком еще далеко, аппараты уже властвуют, уже вынуждают людей приспособляться к ним, уже формируют их по своему образу и подобию, «пользуясь» их изобретательностью для собственного развития. Происходит сближение человека с машиной: поведение человека становится все более предсказуемым, алгоритмизированным, машины же все больше «очеловечиваются».

Если исходить из неизбежного и скорого по историческим меркам заката фаустовской культуры, перед людьми, вовлеченные в процесс дегуманизации, но принадлежащими к иным культурам, встает вопрос: есть ли у них шанс избежать самоликвидации? Полагаем, что судьба человека связана, на глубине, с тем, в какой мере он будет способен вернуться к бытию перед Истиной, к благоговению перед Ней и отказаться от логики безграничного самоутверждения.

Список литературы:

1. Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Т. 1. Гештальт и действительность. М.: Мысль, 1993. 663 с.
2. Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления. М.: Республика, 1993. 447 с.
3. Декарт Р. Сочинения в двух томах. Т. 2. М.: Мысль. 633 с.
4. Секацкий А. К. Размышления: Эссе. СПб., 2015. 496 с.